

Психоаналитический взгляд на проблему идентичности и ее кризиса

И. А. Белоусова

Белоусова Ирина Андреевна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант, врач-психиатр-нарколог, психотерапевт, член Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК), член Российского общества психиатров (РОП).

Феномен идентичности в общепринятом социально-психологическом понимании рассматривается как отражение понимания себя и опыта коллективной принадлежности, выраженное в селекции индивидуальных норм внутри разных категорий жизни: «Как кто я?», «Достаточно ли во мне качеств, чтобы считать себя тем-то?» Внимание психоаналитического взгляда уделяется не только категориям и нормам, но еще и процессу возникновения субъективного опыта идентичности. И взаимодействию этого опыта с другими переживаниями и силами внутри разума и тела индивида. Рассмотрим взгляды классического психоанализа, лакановской школы и школы объектных отношений на проблему идентичности, чтобы связать их с клинической картиной переживания кризиса идентичности клиентами разной структуры личности. И создать представление о сути терапевтических стратегий при работе с ними.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, Фрейд, Лакан, Фонаги, пограничные состояния, невроз, психоанализ, объектные отношения, самость, Эго.

Фактически психоаналитическая перспектива предлагает ответ на вопросы «как осмысляется опыт переживания самого себя?» и «какие силы ограничивают полноту осмысления опыта идентичности?» (Vanheule, Verhaeghe, 2009). Можно сказать, что психоанализ и идентичность (с учетом процессуального аспекта) – братья-близнецы в своей

конструктивистской сути (Frosh, 2011). Они конструируются – и объединяют категориальное и процессуальное понимание.

Идентичность – конструкт, характеризующий единство великого множества элементов жизни человека, рисующий ядро сознательно распознаваемой самости и определяющий субъекта во взаимодействии собою-с-другим.

Психоанализ – также конструкт, но только нарративный, создаваемый при опросе и интерпретации со стороны психоаналитика. Это проявляющий субъекта в языке конструкт пересечения внутренних динамических сил при встрече с актуальной реальностью и догадкой о ней. Внутренняя согласованность, ощущение плотной идентичности при этом достигается путем объединения воедино различных аспектов опыта человека в аналитическом процессе. Можно сказать, что в психоаналитическом процессе субъект конструирующим-в-речи способом наделяется идентичностью, познавая себя, осмысляя опыт своего бытия. Он узнает, каким социальным группам он идентичен в своем «ядре», в противовес не-идентичности всем другим людям. «Как кто я?» и «На кого я не похож, кем я не являюсь?»

В психоаналитическом взгляде идентичность постоянно конструируемая. То есть мы можем к ней стремиться, но не можем ее достичь полностью.

В свете аналитического прожектора **нарушения идентичности** могут быть охарактеризованы как ситуация утраты индивидом приватной безопасности ментальной конструкции при расхождении с его бессознательной жизнью, внутренней сценой. То есть «что внутри» не соответствует тому, «что снаружи» и «отражениям того, что снаружи», другими. Разрыв с реальностью – это континуум деконструкции идентичности. И аффективная аранжировка такой утраты/деконструкции/разрыва – чувство тревоги.

Кризис идентичности рассматривается психоанализом как процесс, когда внутренний и внешний миры, спозиционированные в социальных связях с другими «похожими на меня» людьми, переживают трансформацию этих связей. То есть процесс деконструкции чего-то старого и конструирования чего-то нового в идентичности. Транзиторное состояние, временное увеличение диффузии идентичности вокруг процесса ее ресинтеза, сопровождающееся нарастанием и последующем снижением тревоги. Рассмотрение психоаналитического видения конструирования идентичности может помочь глубже понять этот процесс.

Фрейдистская перспектива в вопросе идентичности

Теория Фрейда времен первой топки рассматривала идентичность практически как синоним Эго. Филогенетически это фокусированное на восприятии и сознании развитие адаптивного аппарата для выживания. С онтогенетических позиций Эго – результат последовательных идентификаций с объектом привязанности, обладающее лишь относительной

автономией из-за необходимости интегрировать требования реальности, Ид и Суперэго.

С динамических позиций Эго – сторона невротического конфликта, где реализуются защиты и сигнальная тревога (*Freud, Breuer, 1955*). С экономических – организация ассоциативно связанных репрезентаций, наделенных эндогенной энергией, реализующая синтетическую функцию и подавляющая первичный процесс во избежание неприятных ощущений (*Freud, 1966*).

Априорной идентичности, по Фрейд, нет: она развиваемая в процессах идентификации. Вначале Эго нет, есть только аутоэротические влечения. Это Фрейд описывал в своих работах, посвященных нарциссизму, меланхолии и Эго (*Freud, 1957b, 1957c, 1961*). В этих работах Эго предстает как бесконечная попытка вернуться к первичному нарциссизму через идеальные критерии, выдвигаемые Другим. То есть Эго происходит из и от Другого, интерактивно конструируясь во взаимодействии через репрезентации.

Эго начинается с первичной идентификации – ребенка с родителем, это самая ранняя форма эмоциональной связи (*Freud, 1955*). И далее расширяется путем наслоения идентификаций через систему «восприятие – сознание» с иными объектами (*Freud, 1961*), противоречия между которыми становятся основой внутренней разделенности Эго. При этом защитный процесс, устанавливаемый самим Эго, вызывает внутреннее разделение конструирующих репрезентаций.

Социализация и формирование нравственных опор реализуются также в процессе идентификации, когда ребенок формирует свое Я по образу и подобию образца родительских фигур. При этом на бессознательном уровне воспроизводится «слепок» родительских фигур в качестве структуры Суперэго, и этот процесс назван интроекцией. И тогда идентификация заменяет объектную либидинозную связь. Реализуется структурообразующая функция идентификации примерно до шести лет.

Взгляд Лакана на вопрос идентичности

В лакановской перспективе субъективности человеческое развитие направляют образы. Идентичность рассматривается логически: идентичность – это равная самой себе сущность, а опыт идентичности – результат механизма идентификации, запускающегося при ответе на вопрос «Кто я?» (*Lacan, 1961–1962*).

Изначально у Лакана Эго выступает реакцией против хаотического тревожного состояния, в которое погружен младенец из-за соматической незрелости, нехватки сенсорной и моторной координации, фрагментированного восприятия мира и либидинозной тяги. И в примитивном своем варианте Эго соответствует зеркально отраженному образу тела, помогающему ребенку иллюзорно увидеть себя как единство (идентичность), предвосхитить состояние субъективной завершенности и снизить тревогу. Первоначально образы выхватываются извне, как что-то идеальное, полезное для интеграции хаоса. Вопрос «Кто я?» ретроактивен после

информации «Ты – это». У Лакана идентификация предстает непрекращающимся иллюзорным поиском, задача которого – убедиться в своем бытии (Лакан, 1998).

В дальнейшем развитии своих взглядов Лакан отходил от своих предположений об овладении телесными процессами через развитие мыслимого образа тела. Проблему зеркального процесса Лакан переместил на уровень желания: желание другого остается угрожающей загадкой для субъекта. Отсутствие готового ответа на вопрос «Что от меня хочет Другой?» тревожит субъекта, но в то же время создает развитый вызов. Ответ на вопрос «Кто я?» тогда становится ответом на вопрос «Что со мной хотят сделать?». И возникает, когда субъект рассматривает реакции Другого на свои проявления, желая убедиться, что Другой желает того содержания, с которым субъект идентифицируется. Процесс идентификации символически опосредован определяющими принятием образов Я Эго-идеалами, которые субъект берет в дискурсе Другого и затем кристаллизует в своих идентификациях. То есть Эго-идеалы – это привлекающие внимание черты и особенности Другого, которые субъект считает «ключами» к ответу на вопрос загадки Другого (чего хочет Другой?). Так появляются ответы на вопрос «Кто я и кем хочу быть?», так появляется шанс субъекта быть признанным и любимым, соответствовать желанию Другого, и так снижается тревога и организуются отношения. Потому Лакан и пишет, что желания человека – есть желания Другого (Lacan, 2006). Развитие Эго и формирование идентичности выходят за рамки способа успокоить внутренний хаос и предстают как «ориентиры» желаний Другого.

Но еще позже Лакан снова передумал и, деконструировав собственную систему двойных зеркал, сообщил, что измерение субъективности не может быть понято в рамках симметричной логики зеркального отражения, потому что эффект зеркального отражения частичен (Lacan, 2004). Остается еще несимволизированный, нерепрезентируемый аутоэротический остаток влечения, который «не укомплектовался» в организации образа тела и организации отношений, – «Объект а». Он не может быть зеркально отражен или представлен, у него нет аналогичного ему образа, его нельзя мыслить классически психоаналитично (Lacan, 1998). Объект а находится на пересечении символического, воображаемого и реального и создает разрыв в опыте идентичности. Он противоречит тому, что мы думаем о себе, и выражает нехватку бытия (репрезентативное небытие), вокруг которой вращается желание. А личность, Эго и идентичность, отражающие зеркальную – организованную символическим и воображаемым регистрами, – сторону субъективности, защищают нас от тревожащей реальности Объекта а.

С этого момента в лакановском понимании субъективность становится разделенной сущностью, поскольку бессознательный дискурс Другого лишает субъекта какой-либо тождественности (Lacan, 1973). Опыт идентичности фундаментально отчужден и конструируется посредством идентификации с чужеродными элементами – означающими конфликтующих желаний Другого. И они разделяют собой и через себя субъекта. *Неудача отождествить Я с его образом в зеркале Другого неизбежна из-за бреши*

между тождеством и бытием, между означающими желание Другого и реальным Другим. Само понятие идентификации говорит нам об этом вечном конфликте реального с воображаемым и символическим. Можно сказать, что, по Лакану, личность синтезируется из идентичности и негативности. А психоанализ способен найти травму, в которой идентичность начала теряться (Лезьер, 2020).

Идентичность в перспективе современной теории привязанности

Самым современным из психоаналитических взглядов на вопрос идентичности является концепция Фонаги в рамках теории привязанности (*Fonagy, Target, 1996, 2000, 2007*). Эта концепция интегрирует представления Фрейда, Лакана, идею самости, психологию развития и когнитивную психологию, фокусируясь на сочетании саморазвития и развития аффектов (процессов соматического происхождения, которые для Фрейда были источниками влечений). В психоаналитической теории развития *самость рассматривается как расширение опыта Другого*, продукт поведения Другого во взаимодействии с субъектом. А функция ее – проверка реальности в моменте, проверка связи и соответствия между восприятием происходящего внутри и репрезентациями внешнего мира.

Априорной интересубъективности у младенца нет, но есть тенденция фиксировать случайные события внешнего мира и биологическую обратную связь (мимика лица, голос) от окружения из-за врожденной чувствительности. Внутренние ощущения и состояния сочетаются с обратной связью об этих ощущениях со стороны растящих Других. Сначала лицо матери выступает в качестве означающего, а собственные переживания младенца – как означаемое. Затем младенец учится различать свои первичные внутренние состояния и создает их вторичные репрезентации. И так создается система репрезентаций, укореняющаяся в речи.

Поскольку воспитание (в норме) представляет собой сочетание заботы и регуляции (родительское аффективное отзеркаливание), система репрезентаций выполняет и развитийную, и регулирующую аффект функции (*Fonagy et al., 2002*). В дальнейшем эмпатическое аффективно-зеркальное взаимодействие родителей с ребенком ведет к построению репрезентаций второго порядка и их саморегулирующей работе. По мере становления самости ребенок учится через управление своими эмоциональными выражениями управлять реакцией другого, и так снижается тревога за счет приведения к единому знаменателю обратной связи и собственных впечатлений.

То есть трансформация конституционального Я в комплекс репрезентаций происходит в процессе присваивания ребенком зеркальных представлений аффективных состояний. Это же создает возможность для ребенка почувствовать себя агентом саморегуляции (*Fonagy et al., 2002*).

По Фонаги, формирование вторичных репрезентаций о собственных аффектах является основой мышления о себе и о другом (ментализации). Реальность структурируется в двух режимах: *эквивалентности* (что

внутри меня и Другого, то и в реальности, репрезентации связаны с реальностью, и устанавливается твердое чувство самости) и *притворства* (связь с реальностью отсутствует, репрезентации только умозрительные – как «представления о том, что происходит»... но можно безопасно исследовать реальность, пока она не стала настоящей). Интегрируются эти режимы, когда зеркальное отражение аффектов ребенка воспитателем качественное, то есть конгруэнтное аффектам ребенка, и есть возможность выстроить истинный порядок репрезентаций (по сути, пройти Эдип). Если у ребенка нет понимания, что родитель именно отражает внутреннее состояние и нет конгруэнтности этого отражения, то ребенок не может сделать свой опыт управляемым. Фактически это и есть основа разрыва с реальностью: я чувствую что-то неназываемое, ты мне показываешь другое (и зачастую тоже неназываемое), все это не сходится, что из этого правда – не ясно. Эта ситуация называется девиантным, некорректно настроенным отзеркаливанием. Оно ведет к созданию «чужой самости» с невозможностью воспринимать свои настоящие чувства и желания, правильно считывать чужие настроения (основа «социальной слепоты»), с расщеплением и проективной идентификацией впоследствии. То есть ведет к расстройствам нарциссического круга (*Bateman, Fonagy, 2004*). Стоит отметить, что некорректность на практике присутствует в любых детско-родительских отношениях, как тот самый лакановский разрыв из-за невозможности полного единства.

Сгладить разрыв между конституциональным Я и тем Я, которое некорректно отзеркаливает ребенку воспитатель, можно в процессе воспитания за счет нарратива – словесно восполнять пробелы самоструктуры (*Fonagy et al., 2002*). В процессе психодинамической помощи аналогом такого сглаживания можно назвать обеспечение клиенту доступа к его психическим состояниям и вынесение их в слова. Фактически Фонаги говорит примерно то же самое, что и Лакан, но делит отзеркаливание на корректное и некорректное, что имеет свои клинические последствия в виде неадекватных саморепрезентаций и разных приближающихся к дезорганизации состояний. Некорректное отзеркаливание по Фонаги может быть конгруэнтным немаркированным – и ведущим к пограничному расстройству личности (в клинической терминологии), и неконгруэнтным – и ведущим к нарциссическому расстройству личности, если вдаваться в подробности.

Клинические следствия

Можно сказать, что в психоаналитической перспективе мы становимся собой на основе сходства и подобия с другими. Осмысление опыта идентичности и самостоятельности, оценка себя самого и других связываются психоанализом с принадлежностью к другим и группам других по схожести в качествах, подразумеваемых в категориях идентичности. Переживание идентичности развивается во взаимодействии между телесным побуждением, результирующим требованием младенца и зеркальным отражением по отношению к Другому. И чем меньше у человека

ответов на вопрос «Кто я?», тем меньше у него возможностей регулировать свои влечения. Вне зависимости от различий классификаций и взглядов мы встречаемся с пониманием идентичности в психологии как некоего постоянно реконструируемого сложного буферного звена между человеком и другими.

Нормативное, сообразное реальности мышление формируется в процессе конструирования идентичности, когда выстраивается логика, истинный порядок репрезентаций. В терминах Фрейда, происходит переход мышления первичного процесса к мышлению вторичного процесса. Ненормативность мышления и вариант деконструкции – следствие характера и качеств динамической связи субъекта и отзеркаливающего его Другого в процессе воспитания.

Причем невозможно сказать точно (курица или яйцо, родитель или ребенок), кто именно выбрал вариант невроза – Лакан возлагает эту ответственность на ребенка (активное принятие репрезентаций и их интерпретация), Фонаги – на воспитателя (как он отражает аффективные состояния ребенка). И фрейдовский взгляд конкретно этот момент не проясняет. Возможно, ребенок мыслит себя и свое окружение, исходя из того, что ему это окружение предложило, и этот материал возвращается к окружению в своеобразном круговороте пазлов идентичности.

И тогда в разной степени дезорганизованная идентичность может быть рассмотрена как сложное *самоощущение «несовместимости переживания»* (Fonagy et al., 2002), вызванное дезорганизацией отношений, которых перестало быть достаточно для формирования ответа на вопрос «Кто я?». Или эти ответы окрашены некоторым несоответствием реальности. Или отношений для ответов никогда не было достаточно.

Кризис идентичности в этом случае – транзитное состояние переживания утраты связи с важным Другим, в которой ранее конструировалась идентичность: становится невозможно получить ответ на вопрос «Кто я?» в этих отношениях. Термин «кризис идентичности» отражает поломку функции конструирования и относительной стабильности идентичности: стабильности отражающего Другого и достаточной ясности отражений.

Выйти из этого состояния субъект может самостоятельно. Но только если в актуальной ситуации может работать «рефлексивный режим» и ранее был сформирован опыт создания истинно репрезентативного порядка (то есть в достаточной степени пройден Эдип). Это называется прогрессивный путь кризиса идентичности (Frosh, 1991). Тогда непрерывность самости сохранна во времени и в различных ситуациях. Поэтому кризис, как правило, завершается формированием гибко функционирующей консолидированной нормальной идентичности (Kernberg, 2000).

Но есть также и регрессивный путь кризиса идентичности, предполагающий углубление дезорганизации и нарастание тревоги. Следуя логике, такой путь предполагает недостаточную сохранность самости на фоне утраты отзеркаливающего Другого. Проявления дезинтеграции идентичности симптоматически выглядят как чувство пустоты, поверхностность, противоречивое поведение, тревога, импульсивность, бессвязные

представления о себе и иные проявления ослабленного фрагментированного Эго (*Kernberg, 1985*).

С этих позиций неврозы и пограничные состояния можно рассматривать как «путь по кризису идентичности» клиентов разных структур. И подходить в таких случаях к клиенту нужно как к тому, кто, вне зависимости от актуальной структуры, однажды может научиться говорить о своих желаниях и о себе и при этом смириться с подвижностью и недостаточностью идентичности. А также выбирать новые подходящие объекты привязанности в соответствии с истинным репрезентативным порядком, формальной логикой и требованиями реальности.

Невротическая и пограничная структуры в призме процесса конструирования идентичности

Рассмотрим клиентов разных структур через процесс конструирования идентичности и ее кризиса (временного процесса реконструкции).

Если интеграция ответов с реальностью стабильно ослаблена за счет несовместимости идентификаций со значимыми другими в отношении влечений и желаний и **конфликт размещен внутри переживания идентичности**, – это **невроз**. И самопереживание здесь можно назвать выстроенным, но истинно конфликтным – отражающим несовместимость этого желания с этим объектом. Можно сказать, что в условиях лакановской субъектной разделенности не хватило сглаживающего нарратива по Фонаги для достаточной интеграции конфликтной расщепленности Эго по Фрейду.

И тогда субъект начинает интегрировать несовместимое желание с объектом посредством фантазии. Возникает невротический цикл повторения сценария фантазии. Анализ цикла повторения может помочь преодолеть запускающую его фантазию, если одновременно обойти доминирование Другого и настойчивое стремление влечения. В процессе это выглядит примерно так: аналитик с принятием и поддержкой относится к высказываниям анализанта об идентичности в переносных отношениях (*Verhaeghe, Declercq, 2003*). Но фокус при этом – на отношениях анализанта с объектом а: аналитик никогда не сможет полностью стать тем, кем его желает видеть пациент (это называется Лаканом «символическая кастрация»), а клиент никогда не сможет интегрировать желание в свою идентичность целиком. То есть вносится дистанция между реальным положением дел и интериоризированными образами других внутри клиента.

Нет цели вернуться к некоей конкретной аутентичной идентичности. Это и невозможно: всегда останется некая часть драйва, не охваченная репрезентациями. Она будет оказывать тревожащее воздействие на переживание идентичности. *Скорее речь идет о формировании самостоятельной способности встречаться с ранее превращенной в фантазию, замолчанной или иначе преподнесенной частью реальности, опираясь на*

свои чувства и ощущения. И быть с этим в реальности. То есть в рамках невротической структуры выход из кризиса идентичности выглядит как бережная встреча с правдой.

Если ответов на вопрос субъекта «Кто я?» изначально не хватало (дефицит) в отношениях с первичными значимыми объектами вследствие их нестабильности, мы будем иметь дело с **устоявшимся расстройством пограничного круга**. И самопереживание здесь можно назвать скорее хаотическим. То есть присутствует не просто конфликтность внутри идентичности, а изрядная степень ее неоформленности. Вопрос «кто есть кто» в семьях, в которых росли такие клиенты, решался не через речь, а через действия, нередко угрожающие жизни (*Verhaeghe, 2004*). Или через перманентное конструирование необъясненных небезопасных ситуаций со смещением ролей.

Способность к регуляции аффекта с помощью ментализации у пограничного клиента истощена, он не может перенести телесный опыт в ментальные репрезентации и отказывается от него (это выглядит как отказ от своих истинных чувств и желаний). Связь «аффект – репрезентация» разорвана. Отреагирование идет через действие. То есть субъект делает с собой все то же самое, что с ним делали его родители, стабилизируя меру хаоса и привычное хаотическое самоощущение.

Терапевту предстоит создать «нормальное стабильное зеркало» и помочь пациенту восстановить связь между аффектами и репрезентациями, то есть воссоздать процесс ментализации. Это можно сделать так, как делал сам Фонаги: следить за телесными проявлениями клиента и спокойно возвращать ему то, что они могут говорить о внутренних переживаниях клиента. И для пограничных клиентов именно так восстанавливается истинный репрезентативный порядок, предполагающий дистанцию между самим субъектом и интериоризированными образами, полученными от других. То есть для клиентов пограничного круга выход из кризиса идентичности – это внимание и доброе, создающее связи родительское отношение.

Таким образом, психоаналитический взгляд на вопрос идентичности фокусируется не на содержательном, а на функциональном аспекте, предполагающем процесс ее конструирования как базы для формирования нормативного логического мышления (переход от мышления первичного процесса к мышлению вторичного процесса (*Freud, 1957a*) и структуры психики клиента. Свободные ассоциации и интерпретации классического психоанализа для работы с клиентами невротического круга, интеграция режимов эквивалентности и притворства в режим рефлексии для клиентов пограничного спектра – все эти инструменты укладываются в канву аналитического процесса, предлагающего принятие проявлений клиента аналитиком и возможность достаточно спокойно пережить их разумом аналитика.

Можно работать не классически, а с применением одной из возможных моделей психодинамической помощи на основе поддерживающе-экспрессивного метода Л. Люборски, тезисно смысл которой можно охарактеризовать так:

- если бы не другие люди, мы легко перевели бы свои потребности в поступки (ищем «тени» других людей, которые мешают в вербальном и невербальном рисунке конфликтной ситуации);

- следствием этого являются реагирование клиента и реакции людей вокруг него. Внутри этих отношений и формируются неудовлетворенные потребности;

- неудовлетворенные из-за других людей потребности – это социальные ограничения; то есть вариант разворота эдипова комплекса: вы что-то хотите, но вам не дают, что делать?

- значит, у клиента есть выбор: ждать условной «смерти» того другого человека (который мешает) или начать искать новые способы разрешения ситуации за свой адаптивный счет.

- в процессе тщательной проработки выбирается, исследуется и тестируется новая функциональная модель идентичности, принимая которую человек разрешает свои социальные ограничения.

Количество сессий контрактируется от шести до 25, один-два раза в неделю. Далее возможен переход в среднесрочное и долгосрочное взаимодействие (*Luborsky, 1991*).

Важно отметить, что в этом методе мы пользуемся стандартными психоаналитическими инструментами, побуждая клиента излагать свои мысли и чувства, а затем даем им интерпретацию. При этом у каждого клиента довольно ограниченное число тем, в которых содержатся действительно конфликтные отношения.

По Люборски, мы рассматриваем клиента с любой структурой личности как априори пограничного клиента, то есть человека с неразрешимым конфликтом на уровне «я очень хорошо понимаю, чего я хочу, и сказать об этом не знаю как», внося это заранее считающееся фрагментированным восприятие в рамку невротического конфликта «я хочу, но мне не дают» (конфликт выбираем истерический). То есть процессуально интегрируем в одной модели подход Фонаги и подход Лакана.

И без большой поддержки и устойчивого Я консультанта процесс застопорится на агрессии клиента к консультанту (как у пограничного клиента). Это сопротивление, и оно означает, что не хватило поддержки, интереса к клиенту, принятия, понимания, защиты, выраженной в подлинно совместной работе над проблемами клиента и бережном выявлении его ранее не осознаваемых составляющих поведения.

Клиент встречается с реальностью в моменте, когда выбирает: ждать исчезновения Другого или искать новый способ, новые пути разрешения проблемной ситуации (и конструировать обновленную идентичность, следовательно)? И тогда предстоит признать ограничения реальности и начать действовать за свой счет (начинать поиск вариантов – это метафора Другого, – и соотноситься с ними).

Целью такого подхода ставится не только (и не столько) решение актуального конфликта, сколько смягчение переживаний и отрицательных последствий дезадаптации. Аналитик призван помочь клиенту выйти к самостоятельному конструктивному решению задач, стоящих перед ним. Так в клинической ситуации восстанавливаются нормальное отзеркаливание и способность пациента регулировать аффект. Так приходит признание реальности и способность выбирать новые адекватные и своевременные решения, чтобы взаимодействовать с ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лакан Ж.* Стадия зеркала как образующая функцию я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте (1946) / Пер. с фр. В. Лапицкого // Кабинет: картины мира. СПб.: Инапресс, 1998. С. 136–142.
2. *Лезьер В. А.* Идентичность в процессе реконструкции субъективности в дискурсе Жака Лакана // Манускрипт. 2020. Том 13. № 12. С. 224–229.
3. *Bateman A. W. Fonagy P.* (2004) *Psychotherapy for borderline personality disorder: Mentalization-based treatment.* Oxford, UK: Oxford University Press.
4. *Fonagy P. Target M.* (2000) *Playing with reality: III. The persistence of dual psychic reality in borderline patients.* International Journal of Psychoanalysis. London.
5. *Fonagy P. Target M.* (2007) *The rooting of the mind in the body: New links between attachment theory and psychoanalytic thought.* Journal of the American Psychoanalytic Association.
6. *Fonagy P., Gergely G., Jurist E. L., Target M.* (2002) *Affect Regulation, Mentalisation, and the Development of the Self.* New York: Other Press.
7. *Freud S.* (1966) *A project for a scientific psychology (1950)* / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 1. London: Hogarth.
8. *Freud S.* (1955) *Group psychology and the analysis of the Ego (1921)* / In J. Strachey ed. and trans. // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 18. London: Hogarth.
9. *Freud S.* (1957) *Instincts and their vicissitudes (1915)* / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. London: Hogarth.
10. *Freud S.* (1957) *Mourning and melancholia (1917)* / In J. Strachey ed. and trans. // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. P. 237–260. London: Hogarth.
11. *Freud S.* (1957) *On narcissism: An introduction (1914)* / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. P. 67–102. London: Hogarth.
12. *Freud S.* (1961) *The Ego and the Id (1923)* / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 19. P. 1–66. London: Hogarth.
13. *Freud S., Breuer J.* (1955) *Studies on hysteria (1895)* / In J. Strachey ed. and trans // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 2. London: Hogarth.

14. *Frosh S.* (2011) Identity after psychoanalysis / Elliott, A. (ed.) // Routledge Handbook of Identity Studies. Routledge International Handbooks. Abingdon, UK: Routledge.
15. *Frosh S.* (1991) Identity Crisis: Modernity, Psychoanalysis and the Self. London: Macmillan.
16. *Kernberg P. F., Weiner A. S., Bardenstein K. K.* (2000) Personality disorders in children and adolescents. New York: Basic Books.
17. *Kernberg O.* (1985) Schwere Persönlichkeitsstörungen. Stuttgart: Klett-Cotta.
18. *Lacan J.* (1961–1962): Le Séminaire, Livre IX. L'identification (unpublished).
19. *Lacan J.* (2004) Leséminaire, 1962–1963: Livre X. L'angoisse. Paris: Seuil.
20. *Lacan J.* (2006) The Direction of the Treatment and the Principles of its Power (1958) / In B. Fink trans // *Ecrits* / The first complete edition in English. New York: Norton.
21. *Lacan J.* (1998) The seminar 1964 (1973): Book 11. The four fundamental concepts of psycho-analysis / In A. Sheridan trans // Reading, UK: Vintage.
22. *Lacan J.* (1998) The Seminar, Book XX (1972–1973) / Encore. Ed. J.-A. Miller; trans. B. Fink // New York/London: W.W. Norton & Co.
23. *Luborsky L., Crits-Christoph P., Friedman S. H., Mark D., Schaffler P.* (1991) Freud's Transference Template Compared with the Core Conflictual Relationship Theme (CCRT): Illustrations by the Two Specimen Cases / Horowitz M. (ed) // *Person Schemas and Maladaptive Interpersonal Patterns*. Chicago/London: University of Chicago Press.
24. *Vanheule S., Verhaeghe P.* (2009) Identity through a Psychoanalytic Looking Glass. Theory & Psychology. London: Sage.
25. *Verhaeghe P., Declercq F.* (2003) Lacan's analytical goal: "Le Sinthome" or the feminine way / In L. Thurston ed. // *Essays on the final Lacan: Re-inventing the symptom*. New York: Other Press, 2003.
26. *Verhaeghe P.* (2001) On being normal and other disorders: A manual of clinical psychodiagnostics / In S. Jottkandt trans // New York: Other Press.

A Psychoanalytic View of Identity and its Crisis

I. A. Belousova

Belousova Irina A., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor, psychiatrist MD, member of the Association for Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), member of the Russian Society of Psychiatrists (RSP).

The phenomenon of identity in the common socio-psychological understanding is seen as a reflection of the understanding of self and the experience of collective belonging, expressed in the selection of individual norms within different categories of life: "as who am I?", "do I have enough qualities to consider myself as something?". The attention of the psychoanalytic view is not only on categories and norms, but also on the process of the emergence of subjective experience of identity. And the interaction of this experience with other experiences and forces within the mind and body of the individual. Consider the views of classical psychoanalysis, the Lacanian school, and the school of object relations on the issue of identity in order to relate them to the clinical picture of identity crisis experienced by clients of different personality structures. And to create an insight into the essence of therapeutic strategies when working with them.

Keywords: identity, identity crisis, Freud, Lacan, Fonagy, borderline states, neurosis, psychoanalysis, object relations, self, ego.